ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2025. Том 18. Выпуск 2 | 2025. Volume 18. Issue 2
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Духовный кризис как угроза безопасности общества: уроки истории

Жирнов О. Н., Комлев А. Е.

Аннотация. Цель исследования – проанализировать на конкретно-историческом материале кризисные явления в области духовной культуры, выступающие факторами разрушения сложившейся системы общественных отношений. В статье рассмотрены основные понятия исследования: безопасность общества, духовная безопасность, духовный кризис, духовная деградация, нигилизм. Научная новизна работы заключается в изучении влияния деструктивных изменений в области духовной культуры на разрушение Российской империи в начале XX столетия. В результате высказывается положение о том, что духовная деградация социума несет в себе потенциальные риски возникновения социальных катаклизмов и коренных общественных трансформаций. Отечественная история убедительно свидетельствует о том, что новое справедливое общество невозможно построить на руинах прежней духовной культуры.

EN

Spiritual crisis as a threat to the security of society: lessons from history

O. N. Zhirnov, A. E. Komlev

Abstract. The purpose of the study is to analyze the crisis phenomena in the field of spiritual culture, acting as factors of the destruction of the established system of social relations, based on specific historical material. The article discusses the basic concepts of research: social security, spiritual security, spiritual crisis, spiritual degradation, nihilism. The scientific novelty of the work is to study the impact of destructive changes in the field of spiritual culture on the destruction of the Russian Empire at the beginning of the 20th century. As a result, it is argued that the spiritual degradation of society carries potential risks of social cataclysms and fundamental social transformations. Russian history convincingly testifies that it is impossible to build a new just society on the ruins of the former spiritual culture.

Введение

Современное российское государство столкнулось с новыми опасными внешними и внутренними вызовами. Стремление «недружественных» стран ослабить и изолировать Россию, дестабилизировать внутриполитическую ситуацию в стране отчетливо выражается в усилении экономического, военного, политического и культурно-информационного давления. Нравы и умонастроения, складывающиеся в российском обществе, приобретают в этом противостоянии значение не менее важное, чем другие виды ресурсов. Безопасность общества и его устойчивое развитие не могут быть достигнуты без обеспечения духовной безопасности: защиты жизненно важных культурных ценностей и создания условий, способствующих духовному развитию индивидов. По меткому выражению А. И. Солженицына, «если в нации иссякли духовные силы, никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасет ее от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит» (1990, с. 122). Государственная власть современной России уделяет значительное внимание выработке безотлагательных мер, способствующих безопасности и устойчивому развитию общества. В числе важнейших национальных интересов обозначено обеспечение духовной безопасности российского общества, предусматривающее «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» (О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400).

Исходя из этого, можно говорить о задачах исследования:

- проанализировать на основе рассмотрения истории Великой французской революции и революций в России в начале XX века умонастроения в обществе накануне революционных потрясений;
- охарактеризовать негативные изменения в сознании основных социальных групп российского населения, способствовавшие разрушению Российской империи.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250072

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

В качестве методов исследования авторы используют историко-сравнительный метод, позволяющий установить исторические закономерности в формировании духовных предпосылок социальных потрясений, а также герменевтический метод, обеспечивающий возможность интерпретации научных, художественных и публицистических текстов, содержащих информацию по исследуемой проблеме.

Теоретическая база исследования состоит в совокупности научных работ, посвященных вопросам методологии социальных исследований (Гегель, 1978; Парето, 2008), исследований истории Великой французской революции (Карлейль, 1991), истории России (Алиев, Аманацкий, 2017; Пайпс, 1993; 1917-2017: Россия…, 2018).

В качестве материалов исследования используется нормативный документ:

- О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046.

Также привлекалась художественная литература:

- Толстой А. Н. Хождение по мукам: в 3 т. М.: Известия, 1964. Т. 1.

Были использованы публицистические произведения:

- Белинский В. Г. Письмо Н. В. Гоголю. 2011. https://www.litres.ru/book/vissarion-belinskiy/pismo-n-v-gogolu-2768865/;
- Высказывания Сергея Юльевича Витте. 2013. Ч. 1. http://vavilon-plen.ru/publ/3_vavilonskij_plen/vyskazyvanija_o_revoljucii/vyskazyvanija_sergeja_julevicha_vitte_1_chast/24-1-0-250;
- Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922;
- Павлов И. П. Об уме вообще, о русском уме в частности. 1999. http://www.biophys.ru/archive/books/pavlov.pdf;
- Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир / пер. с англ. А. И. Ромма. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957;
- Свенцицкий В. П., прот. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Даръ, 2009. Т. 2. Письма ко всем: обращения к народу 1905-1908;
- Солженицын А. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. 1990. https://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf;
- Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 10 т. СПб., 1911. Т. 5;
- Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989.

Кроме того, материалами исследования послужили данные сайтов:

- Окунев Д. «Он сумасшедший»: за что казнили последнего главу МВД империи // Газета.ru. 27.10.2018. https://www.gazeta.ru/science/2018/10/27_a_12037075.shtml;
- Тарасов К. Фактчек: 14 самых популярных легенд об Александре Керенском // Arzamas. 24.05.2022. https://arzamas.academy/mag/1087-kerensky;
- Участники ПМЮФ-2024 проанализировали дело Веры Засулич // Адвокатская газета. 27.06.2024. https://www.advgazeta.ru/novosti/uchastniki-pmyuf-2024-proanalizirovali-delo-very-zasulich/.

Практическая значимость работы заключается в том, что закономерности развития духовного кризиса в России начала XX века могут быть применены к анализу потенциальных угроз безопасности современного российского государства, а также выработке эффективных мер по укреплению его духовной безопасности.

Обсуждение и результаты

В качестве квинтэссенции каждой национальной культуры выступает определенный общественный идеал. Рассуждая на эту тему, В. С. Соловьев отмечал, что для француза таким идеалом выступает «прекрасная Франция» и «французская слава», для англичанина – «старая Англия», для немца – «немецкая верность» (1911, с. 55). По мнению философа, отличие русского человека состоит в том, что его нравственно-религиозным идеалом, выражающим лучшие чувства к Родине, является «святая Русь». В этом контексте возникает вопрос, почему с такой решительностью «народ-богоносец» отказался от своих прежних духовных ценностей и своими руками разрушил Российскую империю?

Всемирная история свидетельствует о том, что социальные кризисы и потрясения всегда имеют духовные предпосылки. Видный английский историк Т. Карлейль определил духовную атмосферу во Франции накануне революционных событий 1789 г. как «гниющую кучу лжи и чувственности», где «остается лишь рабское подчинение своим желаниям, причем наиболее греховным…» (1991, с. 47). Представители французской элиты характеризуются, в большинстве своем, как люди неверующие, которые возвели свое желание в закон и охвачены алчным стремлением к роскоши. Негативное состояние духа революционных масс, охваченных ненавистью к аристократии и тягой к безрассудному насилию, могло лишь в итоге заменить старую ложь и несправедливость новыми (Карлейль, 1991). Великая французская революция – это, в своей сущности, охваченное бешенством бесконтрольное восстание бушующей анархии против прогнившей и недееспособной власти (Карлейль, 1991).

Анализируя стремительное угасание духовной жизни в России в конце XIX – начале XX века, можно отметить, что негативные изменения происходили в сознании всех слоев тогдашнего российского общества, от элиты до трудящихся масс. Свидетельством значительного подъема экстремистских общественных настроений стал один из сенсационных судебных процессов самодержавной России 70-х гг. XIX столетия. В марте 1878 г. суд с участием присяжных заседателей, в числе которых были девять чиновников, один дворянин, один купец и один свободный художник, вынес оправдательный приговор революционерке В. Засулич,

совершившей покушение на петербургского градоначальника Ф. Трепова. Вердикт суда вызвал ликование в обществе и способствовал последующему нарастанию политического террора в России. По оценке председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека В. А. Фадеева, «в деле Веры Засулич уголовный закон был “растоптан”», и прогрессивная общественность начала разрушать государство, показавшее свою слабость (Участники ПМЮФ-2024..., 2024).

В период русско-японской войны, ставшей прологом революционных потрясений 1905 г., в обществе широко распространяются антипатриотические чувства. Либерально настроенная публика, по словам монархиста В. В. Шульгина, исповедовала принцип «чем хуже – тем лучше» (1989, с. 111) и желала обретения свободы путем поражения своей армии и унижения отечества. Любовь к Родине трактовалась как «верноподданность» и порицалась как преклонение перед монархической властью и пренебрежение к революционным мученикам. Глумление над победами и поражениями русских войск раскалывало общество, переиначивало определение «врага» и порождало склонность к предательству. Нигилизм становился не только жизненным принципом, но и правилом разграничения «своих» и «чужих» (1917-2017: Россия..., 2018). В массовом сознании революционные убеждения и настроения ассоциировались с гражданственностью и формировали устойчивую деструктивную направленность. Манифест 17 октября 1905 г., предоставивший основные гражданские свободы и вводивший институт народного представительства – Государственную думу, был воспринят общественностью как трусость власти и ее готовность к дальнейшим уступкам (Шульгин, 1989).

Безудержная страсть к разрушению стала мировоззренческой доминантой, обусловливающей духовную атмосферу в обществе и скрепляющей между собой все социальные слои населения. А. Н. Толстой так описывал общественные настроения того времени: «Дух разрушения был во всем, пропитывал смертельным ядом и грандиозные биржевые махинации... и мрачную злобу рабочего на сталелитейном заводе, и вывихнутые мечты модной поэтессы, сидящей ...в артистическом подвале “Красные бубенцы”, – и даже те, кому нужно было бороться с этим разрушением, сами того не понимая, делали все, чтобы усилить его и обострить» (1964, с. 8).

По утверждению итальянского социолога В. Парето (2008), одной из причин политических революций является накопление в высших слоях общества элементов низкого качества, способствующее деградации элиты. Манифест о вольности дворянства, подписанный российским императором Петром III 18 февраля 1762 г., освободил дворянство от обязательной военной и гражданской службы. Российская элита предпочитала наслаждаться жизнью и совершенно не беспокоилась об общественном благе. Праздность и безудержное стремление к роскоши стали ее визитной карточкой. Российский государственный деятель С. Ю. Витте в своих мемуарах писал: «Большинство наших дворян представляет собой кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения личных похотей, ничего не признают, а потому и направляют все усилия на получение тех или иных милостей за счёт народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа для государственного блага» (Высказывания Сергея Юльевича Витте, 2013). Годовое потребление шампанского в самодержавной России превышало производственные возможности французского виноделия. Своеобразным предвестием приближающегося социального катаклизма стала захлестнувшая Россию в первое десятилетие XX века неудержимая тяга к увеселительному времяпровождению (1917-2017: Россия..., 2018).

Престиж обязывал представителей богатейшего дворянства, насчитывавшего примерно тысячу семей, окружать себя множеством лакеев, шутов, юродивых, рассказчиков и другой прислуги. Семейству некоего генерала прислуживало 800 лакеев, 12 в числе которых ухаживали за его внебрачными детьми. У другого, пресыщенного жизнью графа было 400 слуг, 17 из которых выполняли отдельные прихоти хозяина: один – приносил воду, другой – раскуривал трубку и т. д. Даже небогатые дворяне старались выглядеть респектабельно и содержали хотя бы пару слуг (Пайпс, 1993). Среднее дворянство в большинстве своем испытывало отвращение к государственной службе, было настроено в целом аполитично и всячески уклонялось от участия в губернской жизни (Пайпс, 1993). С вырождением аристократии иссяк источник формирования офицерской гвардии, которая традиционно комплектовалась из представителей дворянства и ранее выступала опорой трона.

Придворное общество, погрузившееся в разврат и спиритические сеансы, сочиняло грязные сплетни о царской семье и Г. Распутине, которые тиражировались либеральной прессой (Шульгин, 1989). Масштабное отступление русской армии весной и летом 1915 года значительно усилило недоверие общества к власти и породило сомнения в ее дееспособности. Отсутствие общенациональной идеи и социальная разобщенность способствовали распространению дезертирства, настроений разочарования и пессимизма, слухов о предательстве в высших эшелонах власти. В феврале 1917 г. самодержавие было обречено, поскольку даже монархически настроенные подданные утратили способность «понимать своего государя» (Шульгин, 1989, с. 248). Боязнь монархической власти усиления гражданской активности, неспособность консолидировать вокруг себя перед лицом внешней опасности разобщенные социальные слои и группы населения способствовали последующему кардинальному изменению в массовом сознании ориентиров в определении врага (1917-2017: Россия..., 2018).

Весной 1917 года в России наблюдался стремительный рост психических расстройств. Душевное здоровье министра внутренних дел А. Д. Протопопова, который не предпринял никаких действий для подавления беспорядков в Петрограде и сдался на милость бунтовщиков, современники оценивали как «помешательство» (Окунев, 2018). Пламенные речи главы Временного правительства А. Ф Керенского нередко оканчивались состоянием обморока (Тарасов, 2022).

Спусковым крючком начала революционных событий в Петрограде в феврале 1917 года стали перебои в снабжении хлебом. Опрометчивые действия правительства по частичной мобилизации на железном транспорте, приведшие к дефициту подвижного состава, а также упорное нежелание своевременно ввести нормированную

систему распределения хлеба по карточкам способствовали развалу рынка продовольствия в стране. С началом массовых беспорядков в Петрограде охваченные страхом царские министры разбежались, продемонстрировав всем, что они «слизь, а не люди» (Шульгин, 1989, с. 193). Начальник штаба русской армии М. В. Алексеев и все главнокомандующие фронтами, нарушив присягу, выступили за отречение от престола своего государя.

По мнению Р. Пайпса (1993), критически важную роль в разжигании ненависти к монархии сыграла российская интеллигенция, которая стала острием авангарда, увлекавшего за собой массы. Борьбу с самодержавием считали необходимой не только представители радикально настроенной части интеллигенции, но и значительное количество интеллектуалов, придерживавшихся либеральных (и даже консервативных) идей и полностью отвергавших революционную идеологию. Взаимное неприятие монархической власти и интеллигенции предопределялось укоренившимся вотчинным отношением самодержавия к гражданам, как к своим холопам, и неизбежно должно было принять характер «войны на взаимное уничтожение» (Пайпс, 1993, с. 329-331).

Радикальные изменения в мировоззрении культурной элиты российского общества в период Серебряного века, привели к появлению «революционеров духа». Идеи революции, героизации террора и «всепрощения» к террористам заражают умы не только интеллектуалов того времени, но и даже некоторых священников. Основатель «Христианского братства борьбы», публицист, ставший впоследствии священником, В. П. Свенцицкий в своем публичном выступлении «Террор и бессмертие» от 4 декабря 1906 года заявил, что террористы, убивавшие царских чиновников, движимы чувством «великой любви к страдающему народу» (2009, с. 250) и обретают тем самым бессмертие и венец мучеников. Вызывает не меньшее удивление высказанное в ходе неофициальных интервью общее нежелание профессуры и студентов сообщать в полицию о готовящихся покушениях на жизнь чиновников. На вопрос о том, кому следует пожать руку, террористу-убийце или министру, звучал общий ответ – террористу (Алиев, Аманацкий, 2017). В марте 1909 г. был опубликован сборник «Вехи», вызвавший яростную критику революционно-демократической интеллигенции. Группа авторов этого сборника подвергла российскую интеллигенцию суровой критике за отрыв от реальности, верхоглядство, идейное убожество, духовную узость, безбожие и безнравственность.

Выдающийся физиолог И. П. Павлов в своей публичной лекции «О русском уме», прочитанной в апреле-мае 1918 г., осуществил обстоятельный научный анализ менталитета русской интеллигенции и возложил на нее ответственность за трагические события, постигшие Россию. Составленная выдающимся физиологом характеристика указывала на такие присущие отечественной образованной публике негативные свойства, как: неумение сосредоточиться на проблеме и поверхностное мышление, абстрактный характер рассуждений, отсутствие простоты и ясности, влечение ко всему загадочному и непонятному, некритичное восприятие информации, склонность к распространению слухов, пристрастность и нетерпимость к инакомыслию (Павлов, 1999). Удручающее духовное состояние революционной интеллигенции наглядно характеризуют и такие ее порочные наклонности, как пропаганда «свободной любви», нечувствительность к моральному порицанию, отрицание стыда как одного из предрассудков. Антиклерикализм ассоциировался с культурным прогрессом, имморализм рассматривался как закономерное воплощение свободы, самобытности, самостоятельности индивидов. Низложение всего традиционного, устоявшегося воспринималось как нечто необыкновенное, новаторское и потому – модное. Нормы христианской морали: верность присяге, непорочность брака, усердие в труде, рачительность, – замещались прагматическими и утилитаристскими соображениями.

Литературные произведения того времени отображали царившую в обществе внутреннюю напряженность, передавали читателям ощущения скуки, духовного тупика и порождали предчувствие неминуемой катастрофы. Революционный взрыв, направленный на разрушение основ существующего миропорядка, полагался в этих условиях естественным способом выхода из кризиса. В протестной литературе отвергалась гуманистическая традиция, опиравшаяся на идеалы доброты, великодушия и всепрощения. Произведения Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» в сознании нескольких поколений читателей выработали устойчивый образ рассерженного властью индивида, всецело охваченного помыслами о благополучии народа. Недопустимость никаких соглашений с властью, верность революционным идеалам преподносились в качестве должного поведения любого добропорядочного интеллектуала (1917-2017: Россия…, 2018).

Хаос, воцарившийся в России при Временном правительстве, охладил восторженное отношение публики к революции и усилил антипатриотические настроения. Очевидец этих событий Дж. Рид вспоминал, что в русской семье, оказавшей ему гостеприимство, регулярной застольной темой для обсуждения было ожидаемое пришествие немцев, несущих «законность и порядок» (1957, с. 32). Петроградская элита старалась жить прежней жизнью, не замечая революцию. Поэты и художники продолжали создавать свои произведения на любые темы, кроме революции. Наибольшую обеспокоенность имущих классов вызывали трудности в отыскании прислуги, которые, в их мечтаниях, могли бы разрешиться с возвращением царя или приходом немцев (Рид, 1957, с. 35).

В отличие от состоятельной части населения, умонастроения трудящихся масс определялись ощущениями собственной бедности. В среде пролетариата и крестьянства главным демаркационным критерием разграничения «своих» и «чужих» выступал уровень материального благополучия. Труд рассматривался как обременительная обязанность и противополагался недостижимой свободе. Революционные народники, безрезультатно стремившиеся в 70-е гг. XIX в. вовлечь крестьянство в революционную борьбу, с удивлением узнали, что крестьянин не усматривал ничего предосудительного в угнетении как таковом, а лишь сам мечтал стать эксплуататором (Пайпс, 1993).

А. М. Горький писал о том, что в юношеские годы он безуспешно пытался отыскать того самого крестьянина, которого так обаятельно описывала русская художественная словесность XIX столетия. Но вместо

упорного правдолюба и поборника справедливости он обнаружил «сурового реалиста и хитреца…», который руководствуется в жизни циничными и лишенными сострадания правилами: «…Бей своих – чужие бояться будут»… «Правдой сыт не будешь»… «Что в том, что ложь, коли сыто живешь»… «Правдивый, как дурак, тоже вреден» (Горький, 1922, с. 23). Равенство в бедности, зависть к достатку других, ревностное восприятие чужих достижений порождали священную ненависть не только к буржуям и помещикам, но и к разбогатевшим односельчанам, и становились мотивом консолидации для антиправительственных выступлений, нередко перераставших в грабежи и погромы. Грабежи, разрушения и поджоги помещичьих усадеб и зажиточных односельчан, уничтожение культурных ценностей означали личную неспособность погромщиков к достижению благополучия легальным способом. По мнению Р. Пайпса, именно крестьянство стало той неудержимой разрушительной стихией, которая уничтожила российскую монархию. Крестьянские восстания 1917 года и разложение армии, состоящей большей частью из крестьян, породили волну, на пике которой партия большевиков взлетела к власти (Пайпс, 1993).

Пополнив ряды промышленного пролетариата, крестьянин ощущал зависть не только к богатеям, но и к образованным, жившим в комфортных условиях городским жителям, которых он считал «лишними на земле, буквально удобренной потом и кровью его…» (Горький, 1922, с. 24). Склонность к упрощенному делению общества по критерию материального достатка порождала одобрительное отношение к противоправным действиям против собственности и охранявшей ее государственной власти. По свидетельству ресторатора, в буфете Государственной Думы после чаепития захватившего ее революционного народа исчезли все серебряные ложки. В ходе последующих революционных событий воры, по едкому высказыванию В. В. Шульгина (1989), уже переходят в класс грабителей. Поскольку подавляющее большинство промышленных рабочих были выходцами из сельской местности, то взаимоотношения наиболее энергичных участников революционных событий осуществлялись на основе круговой поруки. Это устраняло персональную ответственность за содеянное, порождало беззаконие и способствовало размежеванию общества по принципу «свой – чужой» на две антагонистические группы (1917-2017: Россия…, 2018).

В результате церковного раскола 1666-1667 годов Русская Православная Церковь утратила способность выступать в качестве скрепы российского общества. Церковная реформа Петра I 1701-1722 годов уничтожила самостоятельность РПЦ, лишив ее привилегий и превратив в государственное учреждение. Нигилистическое восприятие монархии в период революционного брожения в российском обществе в начале XX века не могло не повлиять негативным образом на авторитет церкви. К тому же крестьянство, составлявшее подавляющую часть населения, было в большинстве своем неграмотным и не только не знало Библию и даже молитву «Отче наш», но и не осознавало духовный смысл веры и религиозного образа жизни (Пайпс, 1993). Приверженность крестьянских масс христианству носила поверхностный характер и определялась не любовью к Богу, а потребностью в культовых обрядах, соблюдение которых могло обеспечить место в раю. В. Г. Белинский (2011) в запрещенном цезурой письме к Гоголю от 3 июля 1847 года отмечал: «Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. <…> Это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».

Роскошная жизнь элиты и материальные лишения простого народа, гнетущий фабричный труд, искушения городской жизни оказали значительное влияние на ценностные устремления выходцев из села, превратив соблюдение религиозных предписаний в принудительную формальность. По мысли Г. В. Ф. Гегеля, «огромное богатство, которое равным образом связано с величайшей бедностью», а также машинный и фабричный труд как «высшая жестокость» порождают «животность презрения ко всему высокому» и способствуют «разрушению… нравственности» (1978, с. 359-360). В солдатской массе, состоящей в большинстве своем из крестьян, соблюдение христианских обрядов диктовалось дисциплинарным принуждением, а не велением совести. В дезорганизованной после краха монархии русской армии на Пасхальной литургии 2 (15) апреля 1917 г. таинство причастия совершили лишь 10% от общего числа православных военнослужащих. В Москве в октябре 1917 г. тысячи «истощенных трудом и бедностью» пролетариев хоронили без христианского обряда отпевания красногвардейцев, погибших в ходе большевистского восстания. Под впечатлением этой процессии, Дж. Рид (1957) пришел к выводу, что освободившемуся от угнетения народу, строящему новое светлое царство, впредь уже не требуются священнослужители для того, чтобы вымолить царство небесное. Отмеченные выше особенности религиозной культуры трудящихся масс во многом объясняют достижения коммунистического режима в искоренении традиционных религий и насаждении в СССР суррогатного культа вождей (Пайпс, 1993).

Заключение

Исходя из проведенного анализа, можно говорить о том, что драматический опыт Великой французской революции и трех русских революций в начале XX века может служить историческим уроком, показывающим разрушительную мощь духовной деградации общества. Угасание духовной жизни является исторической закономерностью в развитии общества накануне социальных потрясений. Симптомами данного процесса оказываются широкое распространение в обществе деструктивных, антипатриотических и нигилистических настроений, разрушение традиционных моральных ценностей, а также значительный рост психических расстройств. Ответственность за духовный кризис в значительной степени несет научная и художественная интеллигенция, поскольку именно она определяет смысловую составляющую общественных умонастроений

и направленность массовых социальных действий. Пропасть между богатством и бедностью, деградация интеллектуальных, нравственных и волевых качеств значительной части представителей правящей элиты препятствуют достижению социального мира и стабильности. Обращение к зарубежному и отечественному историческому опыту негативной духовной трансформации представляет собой научный и практический интерес в связи необходимостью определения рисков для дальнейшего развития современного российского общества.

Источники | References

1. Алиев Я. Л., Аманацкий Ю. В. Столетие большевистской революции 1917 года: мифы и уроки истории // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 9.
2. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978.
3. Карлейль Т. История Французской революции / пер. с англ. Ю. В. Дубровина и Е. А. Мельниковой. М.: Мысль, 1991.
4. Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993.
5. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А. А. Зотова. Изд-е 2-е. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
6. 1917-2017: Россия в поисках будущего: коллективная монография / науч. ред. проф. И. И. Кальной. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018.

Информация об авторах | Author information

RU

Жирнов Олег Николаевич[1], к. филос. н., доц.
Комлев Алексей Евгеньевич[2], к. филос. н.
[1, 2] Саратовская государственная юридическая академия

EN

Oleg Nikolaevich Zhirnov[1], PhD
Aleksey Evgenevich Komlev[2], PhD
[1, 2] Saratov State Law Academy

[1] *olgerd2356@mail.ru,* [2] *almaskom@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.03.2025; опубликовано online (published online): 14.04.2025.

Ключевые слова (keywords): безопасность общества; духовная безопасность; духовный кризис; духовная деградация; нигилизм; security of society; spiritual security; spiritual crisis; spiritual degradation; nihilism.